

УДК 821.161.1.09 (045)

*Г.В. Мосалева***ЛИТУРГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РОМАНА И. А. ГОНЧАРОВА «ФРЕГАТ “ПАЛЛАДА”» В КОНТЕКСТЕ ЖАНРОВЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ**

В статье рассматриваются литургические аспекты романа И.А. Гончарова «Фрегат “Паллада”» в связи с жанровыми трансформациями, отразившимися в этом тексте. Истоки «литературного путешествия» «Фрегата “Паллада”» обнаруживаются в жанрах древнерусской словесности, прежде всего, в паломнической традиции, субстанциональными проявлениями которой оказываются литургичность и иконичность. «Фрегату “Паллада”» присуща «рождественская структура», отразившаяся в композиции текста, начинающегося и завершающегося временем Рождества. В тексте присутствуют и другие литургические мотивы, соединяющиеся в лейтмотив всего произведения: прославление Творца за дивно устроенный мир и его божественную красоту. Автор-путешественник влекнут не столицы мира, не современные формы человеческой цивилизации, а «праотечество». Чтобы «воскреснуть» и «обновиться», нужно вернуться к истокам цивилизации. Во «Фрегате “Паллада”» различные жанровые формы (летопись, дневник, хроника, очерк), образуют сложное синтетическое единство, которое может быть названо предроманом. «Романизация» повествования поддерживается его внутренней литургической основой. «Фрегат “Паллада”» отличается акцентированной жанровой свободой, своеобразным артистизмом повествования, что подчас проявляет в нем свойства романа-импрозизации. «Чужое» в гончаровском тексте постигается из топоса «Своего», символизированного «Русским Кораблем» – храмом и умосозерцанием русского автора-путешественника.

«Рождественская структура» гончаровского текста предопределяет рождение и обретение духовных смыслов. В последних главах «Фрегата “Паллада”» ход повествования становится динамичней: оно словно вместе с автором-путешественником стремится к возвращению. Именно последние главы являются кульминационными: в них предстает подлинное русское бытие, русские герои и сакральное слово, воскрешающее к жизни народы, ранее находившиеся вне Света и Добра. Вера, талант, простота, благословение, трудолюбие, гостеприимство, широта души, добродушный юмор – вот те свойства, которые автор-путешественник отмечает в сибирской Руси, созданной миссионерами. Из странствий по «чужим мирам» автор-путешественник и сам возвращается обновленным, обретя веру и осознав через нее свою глубинную связь с родной почвой.

Ключевые слова: литургичность, предроман, рождественская структура, поэтика.

Роман «Фрегат “Паллада”» является, на наш взгляд, недостаточно изученным произведением русской классики. Согласимся с мнением Е.А.Краснощековой, считающей, что «Пафос этой книги Гончарова традиционно трактуется специалистами в рамках узколитературных»: [5. С. 144] то как победа реализма над романтизмом, то как явление стиля и композиции. Е.А.Краснощекова включила «Фрегат “Палладу”» в романский контекст творчества Гончарова, обратив внимание на наличие общих антиномий, мировоззренческих мотивов и связей, благодаря чему «очерки путешествия» получили в гончароведении более глубокое измерение.

Обозначим проблемы, нуждающиеся в дальнейшем изучении и прояснении.

Исследователи по-разному определяли жанровую специфику «Фрегата “Паллада”», видя за авторским обозначением текста как «очерков путешествия» художественную структуру куда более сложного порядка. Стоит заметить, что И.А.Гончаров называл «Фрегат “Паллада”» и «путевыми записками» и «дневником своих воспоминаний», и «литературным отчетом о путешествии» и просто книгой [1. Т. 7. С. 389].

С точки зрения формы повествования – это «письма», подчас «письма в письмах», т. е. текст с усложненной эпистолярной структурой, в котором высвобождена фантазия художника. Свободная форма «письма» не ограничивала Гончарова в возможностях проявления его «артистической, созерцательной натуры» [1. Т. 7. С. 388], родственной, как считал сам писатель, музыканту-импровизатору: «Эпистолярная форма не требует подготовительной работы, планов, поэтому в ту же минуту удовлетворяет природной страсти – выразиться! Ни лиц не нужно, ни характеров, ни деталей, ничего, что задерживает и охлаждает резвое течение мысли и воображение! Нужен только корреспондент и какой-нибудь интересующий меня сюжет, мысль. Что бы ни было: этого и довольно! Я сажусь, как музыкант за фортепиано, и начинаю фантазировать, мыслить, ощущать, словом, жить легко, скоро и своеобразно – и почти так же живо и реально, как и в настоящей жизни!

И насилу оторвусь от бумаги, как импровизатор-музыкант от своего фортепиано!» [1. Т. 7. С. 391-392].

За эпистолярной формой как внешним видом литературной отделки «проглядывали» и «записки», и «летопись», и «дневник», и самые разнообразные очерки (исторические, научно-популярные, пейзажные) и «чисто художественные главы» [8. С. 765-766].

Е.А.Краснощекова увидела «истоки жанра» «Фрегата “Паллада”» в «литературном путешествии» – «исторически сложившемся жанре описания литератором («современным поэтом») собственного путешествия» [5. С.158]. По мнению исследовательницы, жанр «литературного путешествия» «пришел в русскую литературу из Европы» [5. С. 158] в XVIII в. В качестве одного из прецедентных текстов отечественной путевой прозы Т.И.Орнатская называет пушкинское «Путешествие в Арзрум», в котором, по мысли исследовательницы, воплотился некогда данный семнадцатилетним Пушкиным совет своему лицейскому другу Федору Матюшкину, отправлявшемуся в кругосветное путешествие, как вести журнал. Пушкин советовал избегать «излишнего разбора впечатлений» и «не забывать всех подробностей жизни, всех обстоятельств встречи с разными племенами и характерных особенностей природы» [8. С. 778]. По мысли Орнатской, в этих словах заключена «реформа» «жанра путешествий», которую осуществил в своем «Путешествии...» и сам Пушкин, а вслед за ним и Гончаров в путевой прозе [8. С. 779]. На наш взгляд, гончаровскому «Фрегату...» как раз присуще богатство впечатлений, и это свойство уже никак не связано с «марлинизмом» как фактом ушедшей в прошлое культуры романтизма. Художник-реалист, составлявший окончательный текст «Фрегата...» в 1879 г., не боялся прослыть романтиком. Бесспорно, Пушкин был для Гончарова вечным образцом, эта преемственная связь постоянно ощущается в гончаровском слове.

Русская реалистическая литература второй половины XIX в. была устремлена к «эпосу», и жанр «путешествий» способствовал этому.

На наш взгляд, истоки жанра «литературного путешествия» обнаруживаются в древнерусской словесности, в «хождениях», где описано паломничество. Жанр «хождений» за свою историю претерпел существенные трансформации. От взыскания «Небесного Иерусалима» сознание паломника с течением времени обратилось к поиску «земного рая» или мира Культуры, существенно отклонившись от маршрута «сакральной географии» [4. С. 69]. Сам паломник при этом превратился в путешественника по собственной воле или, как определял Гончаров причину своего путешествия вокруг света, «”по казенной надобности”: *”для обозрения наших североамериканских колоний”*» (курсив И.А.Гончарова) [1. Т. 7. С. 393]. Именно здесь, в соотнесении гончаровского «Фрегата...» с паломнической традицией, на наш взгляд, могут быть найдены ключи понимания, позволяющие существенно углубить и расширить представления о жанровом, мировоззренческом и поэтическом своеобразии этой книги.

Обращая внимание на загадочность жанровой природы гончаровского «Фрегата...», В.А.Недзвецкий называет его «романом», основываясь на том, что воспроизведенная Гончаровым «картина мира» является не только эмпирической, но сотворенной «посредством фантазии художника». По определению В.А.Недзвецкого, «Фрегат “Паллада”» – это «роман географический», поскольку «его хронотоп аналогичен не внутриобщественному и локальному, но всемирному пространству и процессу, а “действующими лицами” выступают народы, страны и целые континенты» [7. С. 136]. Этот термин В.А.Недзвецкий наследует у Бахтина, применявшего его к античной литературе.

При определении жанровой природы «Фрегата...», на наш взгляд, стоит соотнести его самым серьезным образом с романной структурой и метафизикой этого жанра.

Текст «Фрегат “Паллада”» структурно оформляется как рождественский, имеющий рождественскую церковно-временную рамочную конструкцию: повествование начинается и заканчивается упоминанием праздника Рождества. Таким образом, время создания Текста-Путешествия сакрализуется и представлено как Рождественское. Путешествие от Рождества к Рождеству, то есть в онтологически линейном, храмово-литургическом времени, предопределяет рождение новых сакральных смыслов, связанных с Рождеством Господним.

Помимо праздника Рождества, гончаровский путешественник фиксирует внимание читателя на других православных праздниках – на Покрове, Крещении, Страстной неделе и Пасхе. В главе «От Манилы до берегов Сибири» сообщается о говении моряков во время Страстной недели: «Сегодня 11-е апреля – Пасха; была служба как следует: собрались к обедне со всех трех судов; потом разговлялись. Выписали яиц из Нагасаки, выкрасили и христосовались» [2. С. 469]. Внутри внешней рождественской литургической структуры сюжетно развиваются и вызывают пасхальные смыслы.

«Литургическая структура» не явная и не единственная, но она связана с авторским мировосприятием. Ожидая отплытия фрегата, надеясь в путешествии избавиться от «скуки», автор-путешественник вместе с тем боится не вернуться домой: «Увижу ли я опять эти главы и кресты?» – прощался я мысленно, отваливая в четвертый и последний раз от Английской набережной» [2. С. 14]. «Главы и кресты» – это точка отсчета, ментальный ориентир гончаровского автора-путешественника, то «Свое», которое он будет сравнивать с «Чужим». На первых страницах «Фрегата...» появляется образ о. Аввакума – судового священника, оставившего дневниковые записи о походе. О. Аввакум (в миру Честной Дмитрий Семенович) являлся архимандритом петербургской Александро-Невской лавры, одним из образованных представителей современного Гончарову монашества, востоковедом и синологом, переводчиком [2. С. 793]. Наряду с матросом Фадеевым, о. Аввакум – один из замечательных героев книги, символизирующий «Своего», обитатель «Русского Фрегата».

Рождественский сочельник и всенощная накануне Рождества, упомянутые в первой главе, – «маленький эпизод», «вершок необъятного» будущего пространства Пути гончаровского путешественника. В начальных, английских, главах книги автор-путешественник движется «из храма в храм, из музея в музей» [2. С. 38], от Британского музея в церковь св. Павла «по случаю похорон» влиятельного английского лорда Веллингтона. «Хаотический» принцип «осматривания» мира, согласно путеводителю, для гончаровского путешественника утомителен и чужероден: ему нравится «жить и смотреть на все» [2. С. 35] неофициально.

В общем аспекте «Фрегат “Паллада”» – это не только текст-плавание, но и текст-путешествие, так как Гончаров возвращался в Петербург сухим путем через Сибирь, вследствие поломки военного парусника «Паллада», приобретающей символическое значение: «Русский Корабль» нуждался в срочном ремонте. Наряду с главами «Русские в Японии», «Шанхай», главы о Сибири исследователи относят к «чисто художественным» [8. С. 766].

В «Предисловии...» к изданию «Фрегата “Паллада”» 1879 г. Гончаров называет Корабль – «маленьким русским миром», «плавающим жилищем», «домом». «Русский корабль», представляющий собой «Россию в миниатюре» в «путевых записках» Гончарова, отправляющийся на «поиски заветного жизнеустройства как для себя, так и для других народов», В. Недзвецкий называет центральным героем. [7. С. 134].

Образ корабля восходит к Священному Писанию. Ноев ковчег – первый образ в Ветхом Завете, прообразующий церковь Христову, спасающую всех, кто вошел в нее. Форма корабля как Ноева ковчега является одной из ранних в церковной византийской архитектуре. Новый Завет наследует сотериологический смысл образа корабля, с которого Христос, к примеру, в Евангелии от Иоанна (Ин., 6:23), обращается со словом проповеди к народам: вне Христа невозможно достичь пространства спасения – Небесного Иерусалима. Спаситель восходит на корабль с учениками, оставляет их для молитвы и возвращается к ним, идя по морю и спасая Петра, дерзнувшего пойти по волнам (Мф., 14:22-33). Находясь на корабле, он повелевает ветрам утихнуть (Лк., 22-25). Образы корабля как церкви Христовой, моря, тонущего Петра, испугавшихся учеников глубоко символичны. Если корабль – это церковь, то море и шторм символизируют человеческую жизнь с ее событиями. Всякий раз, когда ученики, забыв имя Христа, испытывают растерянность и страх, Спаситель напоминает им: «Азъ есмь, не бойтесь» (Мф., 14:22-33; Мк., 6:45-51).

«Военный парусник» у Гончарова является символом Дома-Почвы, противостоящим топосу Чужбины-Океана, воплощающим идею Верности Дому-Почве:

«Увижу новое, чужое и сейчас в уме прикину на свой аршин. Я ведь уж сказал вам, что исковый результат путешествия – это параллель между чужим и своим. Мы так глубоко вросли корнями у себя дома, что, куда и как надолго бы я ни заехал, я всюду унесу почву родной Обломовки на ногах, и никакие океаны не смоят ее!» [2. С. 54].

Из такого отношения к увиденному, по мысли Гончарова, «не могло выйти ни какого-нибудь специального, ученого... ни даже сколько-нибудь систематического описания путешествия с строго определенным содержанием. Вышло то, что мог дать автор: летучие наблюдения и заметки, сцены, пейзажи – словом, очерки» [2. С. 6]. Все эти перечисленные Гончаровым жанровые формы органично входят в текст «Фрегата “Паллада”», формируя тем самым его неповторимую поэтику. Обратим внимание на эпитет «летучие» в отношении «наблюдений» и «заметок». «Путешествие-плавание» изображается автором с точки зрения «полета» «над океанами», то есть над «чужими» пространствами.

Конечно, «Фрегат “Паллада”» можно отнести к романному жанру классического типа с известной долей условности. Он занимает положение «между»: «Обыкновенной историей» и «Обломовым». В этом плане «Фрегат “Паллада”» – предроман, в котором соединяются свойства романа-путешествия, и романа-миросозерцания (не обозрение), поскольку автор вовлекает своего читателя в процесс постижения миров реальной и ирреальной природы в соответствии со своей «артистической, созерцательной натурой». Как точно отмечает В.И. Мельник: «Гончаров писал не морские пейзажи и жанровые картинки из жизни экипажа корабля. Его книга претендовала на большее. Это своего рода философия жизни и современной цивилизации» [6. С. 150].

Сравнивая гончаровского героя-путешественника с карамзинским и с «рядовыми искателями приключений в дальних странах», Е.А. Краснощекова говорит о бросающейся в глаза «пассивности» первого [5. С. 165]. В отличие от карамзинского путешественника – почитателя европейской Культуры, гончаровский «русский путешественник» погружен «в воспоминания о покинутой родине».

«Романизация» «Фрегата...» поддерживается «литургической структурой», образуемой литургическими мотивами, соединяющимися в книге в литургический лейтмотив прославления Творца за дивно устроенный мир и его божественную красоту. Гончаровского путешественника привлекают не Париж, не Лондон и не Италия, а Бразилия, Индия... светлые чертоги божьего мира» [2. С. 9]. Он стремится не в настоящее и будущее, а к истокам цивилизации, где «человек, как праотец наш, рвет несеянный плод, где рыщет лев, пресмыкается змей, где царствует вечное лето» [2. С. 9], чтобы «воскресить мечты», «расшевелить воспоминания», «обновиться».

В этом фрагменте возникает образ «мудреца и поэта», сумевшего «озарить» «таинственные углы» мира, к которому он пошел не с «детским толкованием», а «с компасом, заступом, циркулем и кистью, с сердцем, полным веры к творцу и любви к его мирозданию» [2. С. 9]. Образ «мудреца и поэта» является для Гончарова идеалом художника. В статье, посвященной картине И. Крамского «Христос в пустыне», написанной Гончаровым после посещения выставки «передвижников» в 1874 г., писатель размышлял о том, что художнику необходимо иметь веру и талант при изображении «священных предметов», и о том, что почти все «гении искусства» принадлежат христианству: «Одно оно, поглотив древнюю цивилизацию и открыв человечеству бесконечную область духа – на фундаменте древней пластики, воздвигло новые и вечные идеалы, к которым стремится и всегда будет стремиться человечество. Что ни делай разрушители, скептики и философы, но они не уничтожат в человечестве религии и с ней стремления к идеалам, а чище и выше религии христианской – нет» [1. Т. 8. С. 71].

В качестве примеров художников, чье творчество свидетельствует о соединении веры и таланта, Гончаров назвал Рафаэля, Рубенса, Тициана, Рембранта. Они ориентиры для последующих художников. И. Крамского как автора картины «Христос в пустыне» Гончаров относит к тем, кто божественный предмет увидел в отражении своей фантазии и освятил «своим чувством веры». По мнению Гончарова, современным реалистам, придерживающимся одной исторической правды «без примеси чувства веры», «стоит воздержаться от изображения священных сюжетов, которые у них всегда выйдут нереальны, то есть неверны» [1. Т. 8. С. 75]. Сам Гончаров, безусловно, был художником слова, соединившим в себе талант и веру христианина.

На первый план во «Фрегате...» выступает сфера «несущественного», «мелочей жизни», быта и нравов народов, отражающих их глубинное и сущностное бытие и его духовные смыслы.

События-встречи, связанные с возвращением Гончарова через Сибирь, способствовали осознанию спасительного пути развития России, ее духовной миссии. Символами России во «Фрегате “Паллада”» стали матрос Сорокин и преосвященный Иннокентий (в миру – Иван Евсеевич Попов-Вениаминов), епископ Камчатский и Алеутский, впоследствии ставший митрополитом Московским и Коломенским – настоящие богатыри духа, русские патриоты, подлинные герои [6. С. 173].

«В описании размаха деятельности владыки Иннокентия – признание успеха его высокой христианской Миссии», а «в подвижничестве православного духовенства, по Гончарову, «проявились лучшие качества «исполины, что восстал ото сна» – пробудившегося русского народа: выносливость, бескорыстие, доброта» [5. С. 227]. Рассматривая примыкающие к «Фрегату “Паллада”» очерки и статьи Гончарова, Е.А. Краснощекова обращает внимание на поэтизацию писателем таких исторических фигур, как генерал-губернатор Восточной Сибири Н.Н.Муравьев-Амурский – «цивилизатор-преобразователь» и Александр Второй как «великая фигура современного героя» [5. С. 225-226]. Помимо этих выдающихся исторических личностей, в сибирских главах то и дело встречаются скромные подвижники-христиане, к примеру, священники Хитров и Запольский или самые обыкновенные люди, жертвующие личным

комфортом ради блага ближнего. Например, путников в Олекме радушно принимает «добрый купец» со своей матерью, отказывающихся от платы за услуги: «Мы ради добрым людям, – говорили они, – ни за что не возьмем: вы нас обидите». Мы немало смеялись над madame K., которая в уверенности, что возьмут деньги, командовала в доме, требуя того, другого» [2. С. 546].

В контексте сибирских встреч Россия-Корабль, по мысли Гончарова, способна преодолеть любые природные и социальные стихии, если она соединит в себе возможности материального и духовного развития и, главное, окажется верна своему предназначению – страны, родившейся во Христе и призванной стать примером истинного христианского просвещения для других стран и народов.

Образ России как храма-корабля проявляется во всех трех романах Гончарова, что является характерным свойством общей для русской классики храмово-литургической поэтики. В романах Гончарова образ России как храма-корабля не обязательно воплощается как визуальная пространственная форма, связанная с корабельно-храмовой образностью, чаще всего опосредованно, через другие образы и внутренние смыслы повествования.

Во «Фрегате...» же в процессе повествования «рождается» предроман, выросший из паломнической традиции и рожденных в ее лоне жанров: путевых дневников, записок. Из внутренней памяти о паломнической традиции образуются и такие свойства повествования «Фрегата...», как литургичность (рождественская структура и литургические мотивы) и иконичность (о. Аввакум, архиепископ Иннокентий). Известно, что во «Фрегате...» портретные главы превалируют над описательными. Поиск Гончаровым «русского героя», идеальной личности приводит к искомому. Читатель встречается с ними в сибирских главах и примыкающем к ним очерке «Через двадцать лет», написанном спустя годы после путешествия. Именно в нем образ о. Аввакума получает евангельское углубление:

«Он жил в своем особом мире идей, знаний, добрых чувств – и в сношениях со всеми нами был одинаково дружелюбен, приветлив. Мудреная наука жить со всеми в мире и любви была у него не наука, а сама натура, освященная принципами глубокой и просвещенной религии. Это давалось ему легко: ему не нужно было уметь – он иным быть не мог. Он не вмешивался никогда не в свои дела, никому ни в чем не навязывался, был скромнен, не старался выставить себя и не претендовал на право даже собственных, неотъемлемых заслуг, а оказывал их молча и много – и своими познаниями, и нравственным влиянием на весь кружок плователей, не поучениями и проповедями, на которые не был щедр, а просто примером ровного, покойного характера и кроткой, почти младенческой души.

В беседах ум его приправлялся часто солью легкого и всегда добродушного юмора» [2. С. 566].

В этом очерке Гончаров сообщает о кончине о. Аввакума в Александро-Невской лавре спустя годы после путешествия: сюжет этого «иконического» героя оказывается завершенным и пасхальным. «Сибирские главы», связанные со встречей с преосвященным Иннокентием и священниками-миссионерами, несущими в «снеговые пустыни» Слово Божье и просвещающие обитающие там народы, можно назвать «апостольскими»: автор-путешественник сосредоточен в них на изображении подвижников-просветителей, настоящих апостолов веры, возвращающих «Творцу плод от брошенного Им зерна» [2, С. 525]. Само путешествие благодаря этим духовным плодам оказывается не напрасным и получает высокий духовный смысл: только ради осознания этих плодов стоило отправиться в путь. «Сибирская Русь» оказывается образом Рая: окруженная «океанами снегов» Сибирь покоряется пламенной деятельности «русских миссионеров», принесших туда Евангелие и на своем примере явивших евангельский образ жизни.

Духовно «обновляется» и сам писатель, уяснивший в результате путешествия «Русский путь» развития цивилизации, вытекающий из христианских истоков. А.В. Дружинин видел своеобразие очерка «Русские в Японии» в особой, национальной точке зрения автора-художника: «Под чужим небом он еще более выучился ценить русскую природу, посреди новых впечатлений он мечтал о поэзии нашего вседневного быта, между людьми отдаленных племен мечтал он о русском человеке, рисовал воображением образы русского человека» [4. С. 26]. Он называет Гончарова «романистом-поэтом», «живописцем современной жизни», влекомым «поэзией нашего вседневного быта».

«Фрегат “Паллада”» как предроман Гончарова авторским опытом «свободной» жанрово-повествовательной импровизации и грандиозной мирозренческой содержательности, не свойственной путевым запискам, подготовил появление последующих за ним романов «Обломов» и «Обрыв» – подлинных национальных шедевров.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гончаров И.А. Собр. соч.: в 8 т. М.: Художественная литература, 1977 – 1980. Т. 7: Очерки. Автобиография. Воспоминания. «Необыкновенная история». 1980. 462 с.; Т. 8. Статьи, рецензии, заметки. Письма. 1980. 559 с.
2. Гончаров И.А. «Фрегат «Паллада»». Очерки путешествия в двух томах. Серия «Литературные памятники». Л.: Наука, 1986. 880 с.
3. Гуминский В.М. Паломническая традиция в русской литературе путешествий // Теория Традиции: христианство и русская словесность. Ижевск. 2009. С. 59-97.
4. Дружинин А.В. Русские в Японии в конце 1853 и в начале 1854 годов. Из путевых заметок И.А. Гончарова. СПб., 1855 // Современник, 1856. № 1. С. 1-26.
5. Краснощекова Е. Гончаров. Мир творчества. СПб., 2012. 528 с.
6. Мельник В.И. Гончаров. М.: Вече, 2012. 431 с.
7. Недзвецкий В.А. Фрегат «Паллада» Гончарова как «географический роман» // Материалы межд. конф., посвященной 180-летию со дня рождения И.А. Гончарова. Ульяновск, 1994. С. 124-137.
8. Орнатская Т.И. История создания «Фрегата «Паллада»» // Гончаров И.А. «Фрегат «Паллада»». Очерки путешествия в двух томах. Л.: Наука, 1986. С. 763-787.

Поступила в редакцию 04.05.2018

Мосалева Галина Владимировна, доктор филологических наук, профессор
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»
426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1 (корп. 2)
E-mail: mosalevagv@yandex.ru

G.V. Mosaleva

**LITURGIC FEATURES OF “THE FRIGATE “PALLADA” BY I.A. GONCHAROV
FROM THE PERSPECTIVE OF GENRE TRANSFORMATIONS**

The article reveals the liturgic features of “The Frigate “Pallada” by I.A. Goncharov from the perspective of genre transformations reflected in that text. The roots of the “literary travel” of “The Frigate “Pallada” could be found in the old Russian literature, primarily in the pilgrimage tradition, the substantial manifestations of which are liturgy and iconicity. “The Frigate “Pallada” is distinguished by its “Christmas structure”, reflected in the text composition which starts and ends on Christmas Day. Moreover, one can find other liturgic motives within the writing which generates the keynote of Goncharov’s text as a whole: praising the Creator for the well-fixed world and its divine beauty. The writer-traveller is captured not by world capitals and modern shapes of human civilizations but by “ancestral homeland”. One has to get back to the cradle of civilization in order to “resurrect and revive”. Features of different genres could be found in “The Frigate “Pallada”: annals, diary, chronicle, sketch. All together these features make up sophisticated genre cohesion which could be defined as pre-novel. “Novelization” of the writing is supported by its inherent liturgic basis. “The Frigate “Pallada” is distinguished by its focus on the genre freedom, some artistic features of the narration which sometimes allow us to see features of the “novel-improvisation” within this writing. “Alien” in Goncharov’s writing is experienced through the topos “Mine” reflected in “Russian ship” – a temple and an object of contemplation of the Russian writer-traveller.

“Christmas structure” of Goncharov’s writing predetermines birth and assumption of spiritual significance. The narration becomes more dynamic in the last chapter of “The Frigate “Pallada”: as if it strives for a return together with the writer. The last chapters in particular could be regarded as culmination: they reflect true Russian genesis, Russian heroes and a sacred word which bring peoples back to live, peoples who had been out of Light and Good. Faith, talent, austerity, blessing, hard-working nature, hospitality, greatheartedness, gentle humour – these are the features the writer happens to find in Siberia, developed by missionaries. The writer himself revives after his travelling in “foreign lands”, accepting Christ by faith and due to this faith he feels strong ties with his homeland.

Keywords: liturgic features, pre-novel, Christmas structure, poetics.

REFERENCES

1. Goncharov I.A. Sobr. soch.: v 8 t. [Collected edition: 8 volumes]. M.: Hudozhestvennaya literatura [Imaginative literature], 1977-1980. T. 7 [Vol. 7]. Oчерki. Avtobiografiya. Vospominaniya. «Neobyknovennaya istoriya». 1980. 462 s. [Essays. Autobiography. Memories. "An extraordinary story." 1980. 462 p.; T. 8 [Vol. 8]. Staty, retsenzii, zametky, pisma [Articles, reviews, sketches, letters]. 1980. 559 s. [559 p.]

2. Goncharov I.A. "Fregat "Pallada" ["The Frigate "Pallada"] / Ocherki puteshestviya v dvukh tomakh [Sketchbook: 2 volumes / Seriya "Literaturnyye pamyatniki" [Edition "Literary monuments". L.: Nauka [L.: Science], 1986. 880 s. [880 p.].
3. Guminskiy V.M. Palomnicheskaya traditsiya v russkoy literature puteshestviy [Pilgrimage in Russian travel literature // Teoriya Traditsiy: khristianstvo i russkaya slovesnost [Theory of tradition: Christianity and Russian literature]: Izhevsk, 2009. S. 59-97. [P. 59-67].
4. Druzhinin A.V. Russkiye v Yaponii v kontse 1853 i v nachale 1854 godov. Iz putevykh zametok I.A. Goncharova [Russians in Japan at the end of 1853 and at the beginning of 1854. From travel essays of I.A. Goncharov]. SPb., 1855 // Sovremennik [Contemporary], 1856. №1. S. 26 [P. 26].
5. Krasnoshchyekova E. Goncharov. Mir tvorchestva [World of creative works]. SPb., 2012. 528 s. [528 p.]
6. Melnik V.I. Goncharov. M.: Veche, 2012. 431s. [431 p.]
7. Nedzvetsky V.A. "Fregat Pallada" Goncharova kak "geografichesky roman" ["The Frigate "Pallada" of I.A. Goncharov as a geographic novel"] // Materialy mezhdunarodnoy konferentsii, posvyashchennoy 180-letiyu so dnya rozhdeniya I.A. Goncharova. [Proceedings of the International Conference dedicated to the 180th anniversary of I.A. Goncharov's birth]. Ulyanovsk, 1994. S. 124-137. [P. 124-137].
8. Ornatskaya T.I. Istoriya sozdaniya "Fregata Pallada" [The story behind "The Frigate "Pallada"] // Goncharov I.A. "Fregat Pallada" ["The Frigate "Pallada"]. Ocherki puteshestviya v dvukh tomakh [Sketchbook: 2 volumes]. L.: Nauka [L.: Science], 1986. S. 763-787. [P. 763-787].

Received 04.05.2018

Mosaleva G.V., Doctor of Philology, Professor
Udmurt State University
Universitetskaya st., 1/2, Izhevsk, Russia, 426034
E-mail: mosalevagv@yandex.ru